

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Эпохе Эдмунда Гуссерля

Мы продолжаем наш рассказ о современных западных философах в изложении Энтони Кенни. И рассматриваем ту часть истории философии Кенни, где он вскрывает различные трактовки основных философских проблем, которые он считает базовыми.

Сегодня мне хотелось бы поговорить о философе, о котором уже рассказывалось в предыдущих лекциях. Я имею ввиду Эдмунда Гуссерля.

Мы не случайно повторяемся, потому что наследие этого величайшего философа картезианской традиции настолько велико, что заслуживает не пары лекций, а гораздо большего внимания.

Полное имя Гуссерля – Эдмунд Густав Альбрехт. Он родился в 1858 году в Моравии. В то время это была территория Австро-Венгерской империи. Но сегодня Гуссерля считают немецким философом, потому что свои труды он писал на немецком, хотя его родным языком был идиш.

Гуссерль был последним великим философом картезианской традиции. Он рассматривал феноменологическую редукцию. И принцип, который назвал принципом рассуждения «эпохе», или приостановлением метафизического суждения о существовании предмета вне воспринимающего его сознания. Он подавал это как уточнение методологических сомнений Декарта. Я ещё раз хочу подчеркнуть, что феноменология эпохе заключается в отказе от всех предварительных знаний и допущений о мире, является важным методическим шагом на пути к обоснованию значимости реальности как коррелята субъективности сознания.

Эпохе у Гуссерля приводится одновременно с феноменологической редукцией, состоящей из эйдетической редукции, абстрагирующей от случайностей и индивидуальных особенностей актов мышления. Эпохе направлено на отыскание сущностных структур в интенциональных мыслительных актах. Кроме того, это понятие связано с трансцендентальной редукцией, приводящей к вынесению за скобки эмпирически телесных компонентов сознания и именно она всё это выводит к «чистому сознанию».

В нескольких отношениях Гуссерль стремился быть более радикальным, чем Декарт, отсекая от основ философии все, в чём можно сомневаться. Прежде всего, он отрицал аподиктичность, несомненность мышления, если это должно подтвердить существование прочной личности. Во-вторых, Гуссерль считал, что Декарт воспринимает данные сознания по их номинальному значению, не различая в них того, что на самом деле было дано в ощущении, и того, что было в них результатом метафизической интерпретации. Как раз эта интерпретация предполагала существование внешнего мира, протяжённого в пространстве и времени, подчинённого принципу каузальности (причинности).

Однако различия, отделяющие Гуссерля от Декарта, незначительны по сравнению со сходствами, которые связывают их вместе. Оба философа рассматривали эпистемологию как основную дисциплину, предшествующую всем остальным частям философии и всем эмпирическим наукам. Гуссерль, как и Декарт, никогда не сомневался в двух вещах. В определённости его собственных психических состояний и в языке, который он использует, чтобы сообщить об этих явлениях. Эта уверенность, по мнению того и другого философа, может пережить любые сомнения во внешнем мире.

Декарт верил, что Бог мог бы сотворить разум таким, какой он есть, не имея ничего такого, как материя. Гуссерль утверждал, что наше осознание внешних объектов состоит в наших частичных проблесках и контактах с ними, в наших «набросках», как он выразился. Но если бы эти наброски не показали порядок, который они образуют, мы бы не могли никоим образом построить из них объекты. Тем не менее, вполне возможно, что этот порядок может быть разрушен, оставляя после себя только хаотическую череду ощущений. Если бы это было так, мы перестали бы воспринимать физические объекты, а наш мир был бы разрушен. Но сознание здорового человека, утверждал Гуссерль, всё-таки переживает такое разрушение мира.

Если мое собственное сознание несомненно уверено, а мир материи по существу сомнителен, то ничто не может показаться более разумным, чем приостановить суждение о последнем, сосредоточившись на точном описании и анализе первого. Но эпохе Гуссерля, или приостановление суждения, не является нейтральной отправной точкой, которая находится между реализмом и идеализмом. Предположение о том, что сознание может быть выражено в частном мире, с самого начала ставит вопрос против реализма. Потому что они являются

отдельными содержаниями сознания из любой неслучайной ссылки, которая выражается в языке в соответствии с внешним миром. И Гуссерль, и Декарт оказываются в ловушке солипсизма, из которой Декарт пытается выбраться путём обращения к правдивости Бога, а Гуссерль (в свои поздние годы) – путем постулирования трансцендентального сознания.

Аргументация, побудившая Гуссерля стать трансцендентным идеалистом, складывалась следующим образом. Ее отправной точкой было естественное понимание, что сознание является частью физически обусловленного мира. Но если человек хочет избежать постулата о вещи в себе, непознаваемой опытом (как у Канта), то он должен сказать, что физический мир сам по себе является творением сознания. Но если сознание, которое его создает, является нашим собственным психологическим сознанием, то мы сталкиваемся с парадоксом: мир в целом состоит из одного из элементов человеческого сознания. Единственный способ избежать парадокса – сказать, что сознание, составляющее мир, не является частью мира, оно трансцендентно.

Однако мир, который создает сознание, формируется не только нашим собственным опытом, но и культурой, и фундаментальными предположениями, гипотезами, в которых мы живем. Это то, что Гуссерль называет «жизненным миром». Жизненный мир (*Lebenswelt*) – не набор суждений, основанных на доказательствах, а, скорее, неисследованный субстрат, лежащий в основе всех доказательств и всех суждений. Однако это не что-то окончательное и непреложное. Наш жизненный мир зависит от развития науки, так же как наука уходит корнями в наш жизненный мир. Гипотезы приобретают смысл через связь с жизненным миром, но постепенно меняют его. Он разворачивает понимание этого феномена в статье «Опыт и суждение», впервые опубликованной в 1939 году.

В этой статье Гуссерль сообщает, что жизненный мир состоит из суммы непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают дофилософским, донаучным, первичным слоем любого сознания, который является базисом, условием возможности сознательного принятия индивидом каких-либо теоретических установок. Данные условия возможности совпадают с областью общеизвестных представлений, которые обладают характером «автоматических», неосознаваемых регуляторов смыслополагания.

«Жизненный мир» в феноменологии позднего Гуссерля – самоочевидный универсум значимостей повседневного опыта. В естественной установке жизненный мир предзадан в виде знакомого мира вещей и личностей, а также как конкретная историческая духовная среда (языковая, национальная, профессиональная). В трансцендентальной феноменологии жизненный мир понимается в качестве всеохватывающего горизонта возможных чувственных, волевых, теоретических актов. Жизненный мир является смысловым фундаментом научных идеализаций, неизбежно возникающих в горизонте преднаучного опыта.

Если в ранней феноменологии естественная установка бралась исключительно под критическим углом зрения, то в поздней философии Гуссерля (особенно в упомянутой в работе «Кризис европейских наук»), положение заметно изменилось. Под понятием «жизненного мира» Гуссерль сначала имел в виду именно совокупность естественных установок сознания, непосредственно включённого в процесс обычной жизни. Потом он стал придавать этому понятию особое значение. «Жизненный мир» стал для него «действительным и конкретным миром», реальностью, которая нас окружает, более того, нас включает, бытийная почва и горизонт для всякой – внетеоретической и теоретической – практики. В качестве такого горизонта жизненный мир должен быть специально исследован и «тематизирован». Для позднего Гуссерля это мир созерцающего опыта, который относится к «субъективности опыта» и к обыденной жизни человеческого сообщества. Он дан до науки и вне её.

Проанализировав «физикалистский объективизм» прежней жизни (он имел в виду Галилея) и «трансцендентальный субъективизм» философии Декарта, Гуссерль пришел к выводу, что их корни лежат в «жизненном мире» европейского человечества нового времени. Так в поле зрения феноменологии попали историко-культурная проблематика и прежде подлежавшие редуцированию проблемы обыденного сознания и опыта. Однако призмой, сквозь которую все рассматривалось, осталось сознание с его феноменами. Кроме того, жизненный мир Гуссерль анализировал с парадоксальной целью. С одной стороны, с

помощью обновлённой феноменологической редукции он стремился «вывести из игры» все конкретные, обусловленные тем или иным временем, данности жизненного мира. С другой стороны, он считал, что прежде чем будет достигнута такая цель, необходимо осмыслить развитие и судьбу европейских наук в контексте их жизненного мира. А это значило связать идеал «объективности», господствовавший в науке и философии Нового времени, а также научные идеализации именно с жизненным миром, который, при всей своей относительности, имеет «априорные структуры». Например, сконцентрированность «естественной среды» вокруг телесного, как говорил Гуссерль – «кинестезического Я».

«Первоочевидность для науки – это очевидность субъективного», – говорит Гуссерль в полном соответствии с феноменологически-трансценденталистской позицией. Но в соответствии с поздней концепцией добавляет: «Первоочевидное есть субъективное как изначально включённое в жизненный мир». По Гуссерлю, главная структура жизненного мира – его историчность. Он является нам в облики какой-либо исторической традиции, всегда соотносён с конкретным человеческим сообществом, с его территорией, почвой, ландшафтом, домами. Есть «первоначальная окружающая среда» (Ur-Umwelt), «мир твоего дома» (Heimwelt), «мир твоей семьи» (Familienwelt), расширяющийся в пространство «родины» (Heimat). Этот мир, с одной стороны, имеет глубоко личностную окраску, а с другой стороны, предстает как «среда вещей» (Sachliche Umwelt). На таком двуединстве природного и персонального мира базируется идеальная среда, сложное переплетение объективированных «данностей» культуры.

Нелегко понять, как примирить эти поздние мысли с более ранними этапами мышления Гуссерля. Точно так же читатели последних работ Людвиг Витгенштейна обнаруживают противоречие с его «тревожными идеями» о природе окончательного обоснования знания и веры. Но о позиции Витгенштейна мы поговорим в следующий раз.